

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

В. Нечаева

Виссарион Григорьевич
БЕЛИНСКИЙ

„Сталинское знамя“ Пенза.

83.3(2Рос=Рус)Н-8Белинский В.Г.к

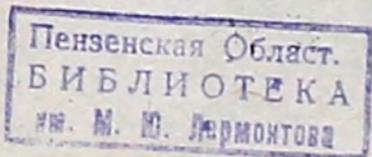
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

Н 59

В. НЕЧАЕВА

Виссарион Григорьевич
БЕЛИНСКИЙ

945156

Издательство газеты „Сталинское знамя“
Пенза 1944

Природа наградила Белинского гремя редчайшими дарами, соединение которых в одном человеке представляет явление совершенно исключительное, не знающее себе подобного.

Это, во-первых, глубокий философский ум, благодаря которому Белинский, пройдя сложный путь исканий, встал в уровень с самой передовой философской мыслью, подошел вплотную к историческому материализму, к научному социализму. Во-вторых,—это страстный боевой темперамент, неиссякаемым ключом бивший в нем до последних дней жизни, наперекор всем преградам, которые ставила ему российская действительность и больной, рано надломленный организм. «Я в мире боец»,—писал он о себе и видел в борьбе и в руководстве борьбой свое подлинное призвание. Наконец, в-третьих,—это тонкое, проникновенное эстетическое чувство, безошибочный художественный инстинкт и горячая любовь к слову и словесному творчеству, на основе которых развернулась его гениальная деятельность литературного критика, оказавшая огромное влияние не только на русскую, но и на мировую культуру.

Эти три дара росли, развивались и дали свои плоды под воздействием мощной силы, определившей и направление его философских исканий, и приложение его боевого темперамента, и характер созданной им русской критики. Все его способности двигала и направляла глубокая, страстная любовь к родине; она же

порождала глубокую, страстную ненависть к «гнусной российской действительности», как Белинский называл николаевский крепостнический режим.

«Чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее люблю Русь..., но ее определение, ее действительность настоящая начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески».

«Что я люблю всем сердцем, всею душою, всем существом моим, к тому я не могу быть равнодушен, в том я сильнее, чем в другом, люблю хорошее и (по тому же закону) сильнее ненавижу дурное».

Патриотизм, который воодушевлял всю деятельность Белинского, вдохновлял его на борьбу за счастье и свободу народа, уходит корнями в самую раннюю эпоху его жизни, в годы детства и юности. Именно в эти годы, как никогда после, он имел возможность общаться с народом, полюбить его, изучить его характер, быт и возненавидеть тяготеющий над ним гнет крепостнического и бюрократического произвола. Именно в пензенский период жизни он мог наблюдать откровенный, ничем не прикрытый звериный образ крепостной действительности, подлость, гнусность и жестокость бюрократической системы. В эти ранние годы он уже определился как демократ, как противник лжи и насилия, как защитник крепостного крестьянства, идеологом революционной части которого он стал в последние годы своей жизни.

В нашем небольшом очерке мы отдаем сравнительно много места этому раннему периоду жизни Белинского, на котором обычно мало останавливаются его биографы. Мы сочли также целесообразным вынести в особую главу высказывания Белинского о патриотизме, о России, ее прошлом и будущем, высказывания, особенно созвучные советскому читателю, в дни Великой отечественной войны.

I.

Детство и юность Белинский провел в Пензенской губернии. Рожденный в Свеаборге, он называл своей родиной Чембар, куда был привезен в пятилетнем возрасте. Ранний период детства, проведенный в Свеаборге и Кропштадте, настолько мало запечатлелся в его памяти и, очевидно, так мало вспоминался в семье Белинских, что он должен был в 1840-х годах путем архивных разысканий устанавливать место своего рождения.

Пензенская губерния была родиной его отца и, вероятно, родиной его предков по отцу. В селе Бельни Нижне-Ломовского уезда в конце 18-го века служил священником его дед Никифор Трифонович, а дьячком — брат деда, Алексей Трифонович. Дети и внуки Никифора и Алексея в начале 19-го века состояли в причтах разных сельских церквей Нижне-Ломовского и Чембарского уездов, занимая места от священников до пономарей.

Быт сельского духовенства того времени мало чем отличался от быта крестьян. Духовенство села Бельни обрабатывало отведенную ему землю, находившуюся «чересполосно» с землями прихожан «ясашных», т. е. казенных крестьян, делило с крестьянами и тяжелый земледельческий труд и убогий быт и роднилось с ними путем браков. Белинский мог, как тургеневский База-

ров, внук дьячка, сказать о себе с гордостью: «Мой
дел землю пахал».

Вместе с крестьянством сельское духовенство испыты-
вало гнет произвола, бесправия, унижения со сторо-
ны дворянства и чиновничества, испытывало часто и
насилие, и издевательство. До нас дошли многие су-
дебные дела об избивении и различных преследованиях
помещиками сельских священников, дьяконов, дьячков.
Бедность, бесправное положение, тщательная слежка
со стороны светских и духовных властей, низкий
культурный уровень объясняют моральную неустой-
чивость сельского духовенства, засвидетельствован-
ную сотнями «дел» в консисторском архиве о пьян-
стве, драках и всякого рода склоках в его среде.

На этом довольно неприглядном фоне образ Ни-
кифора Трифоновича, деда Бельницкого, резко выде-
ляется высокими моральными качествами, о чем сви-
детельствуют как архивные и мемуарные источники,
так и сохранившиеся устные предания. Наименование
его «праведником» невольно вызывает сопоставление
его образа с образом его внука, так горячо боровше-
гося всю жизнь за правду, против всякой лжи. Срав-
нительно высоким культурным уровнем отличалась и
семья Никифора Трифоновича, младший сын которого
Григорий был несомненно человеком незаурядным.

Как свидетельствует «ревисская сказка» за 1811
год, Григорий Никифоров, родившийся в 1785 году,
«выбыл в гражданское ведомство по желанию его из
Тамбовской семинарии 1804 года в статскую службу».
Точнее, Григорий Никифорович, получивший в семи-
нарии по месту рождения фамилию Бельницкий, выбыл
не в службу, а поступил студентом в С.-Петербург-
скую медико-хирургическую академию. Уход семина-
ристов в медицину был случаем, не редким уже в эти
ранние годы 19-го века. Позднее он стал самым
частым, обычным явлением. Почти в те же годы отец
Достоевского покинул Подольскую семинарию для
московского отделения той же Медико-хирургической
академии и должен был заплатить за этот уход из

духовного звания полным разрывом до конца жизни с родной семьей.

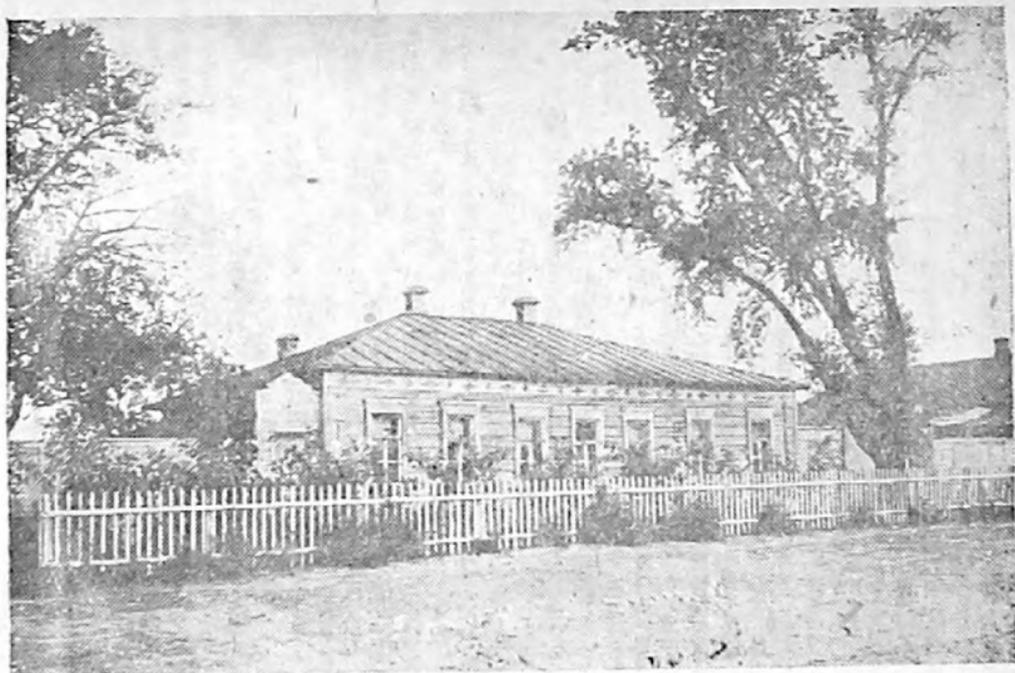
Иначе обстояло дело в семье Г. Н. Бельинского. Скончив учебу, он отбывал военную службу в Балтийском флоте. В Кронштадте он женился на дочери шкипера Ивана Иванова. Дед Бельинского по матери, начавший службу матросом, также происходил из «церковников». Таким образом, указания Тургенева, что в жилах В. Г. Бельинского «текла беспримесная кровь—принадлежность нашего великорусского духовенства, столько веков недоступного влиянию иностранной породы»,—подтверждаются как с отцовской, так и с материнской стороны. Отслужив шесть лет во флоте, в течение которых Г. Н. Бельинский принял участие в походе против французов и получил награждение, он поспешил вернуться в родные пензенские края. В конце 1816 года он получил место уездного лекаря в город Чембар, в непосредственной близости от села Бельины, где проживала его многочисленная родня.

Дошедшие до нас мемуарные и эпистолярные свидетельства об отце Бельинского говорят о его большом скептическом уме, о культурном развитии, ставившем его выше дворянско-чиновнического общества уездного города, в среде которого протекала его деятельность, о насмешливом, а часто и враждебном отношении его к ряду влиятельных в уезде лиц, о его внимании и заботе о бедных бесплатных пациентах, которым он оказывал помощь. Большое влияние его на раннее развитие сына несомненно. Но вместе с тем многие факты вынуждают думать, что дикие крепостнические нравы окружающего общества заставили и его «с волками жить—по-волчьи выть». Грубое обращение с семьей, преследование своих крепостных, запойное пьянство под конец жизни, скупость, подозрительность, вспыльчивость сильно омрачали детские и юношеские годы Виссариона. Безрадостность семейного счастья Бельинских усугублялась сумбурным характером матери, женщины недалекой, малограмотной, типичной провинциальной барыни по своему развитию

п интересам, азартно воевавшей с мужем и восстанав-
ливавшей против него детей. В родной семье малень-
кий Виссарион был ежедневным свидетелем безобраз-
ных, грубых сцен насилия и вражды и с болью вспо-
минал позднее о своих родителях.

То, что в миниатюре Белинский наблюдал в семье,
то в широком масштабе видел он и в окружавшей
его жизни уездного города, уездных поместий и де-
ревень. Мы не можем здесь останавливаться на ха-
рактеристике крепостнического и бюрократического
произвола, царившего в Пензенской губернии в 1810—
1820-х годах. Сотни сохранившихся архивных дел сви-
детельствуют о том, что пензенское дворянство со-
стояло из матерых и заядлых крепостников, а произ-
вол пензенской администрации был таков, что не раз
вызывал даже тревогу в царском правительстве свои-
ми примитивными, откровенными формами. В то же
время судебные дела свидетельствуют, что пензенское
крестьянство, являясь объектом самого бесчеловечного
насилия и беззащитной эксплуатации, не было все
же подавлено настолько, чтобы не давать отпора сво-
им угнетателям. После жестокой расправы с господа-
ми в Пугачевский год, оно глубоко затаило глухую
ненависть к ним, которая, не выливаясь более в мас-
совых восстаниях, прорывалась то и дело в убийстве
помещиков, в поджогах имений, в отказе повиноваться
властям.

По роду своей службы уездный лекарь Г. Н. Бе-
линский должен был принимать активное участие в
следствиях по судебным делам о разного рода наси-
лиях и истязаниях помещиками крестьян. О судебных
процессах, в которых разбирались дела между поме-
щиками и крестьянами, вероятно, много говорилось
как в семье Белинских, так и в семье их ближайших
и любимых Виссарионом родственников Ивановых,
глава которой П. П. Иванов был секретарем чембар-
ского уездного суда. В архиве этого суда мы нахо-
дим многочисленные медицинские свидетельства, со-
ставленные Г. Н. Белинским, и различные судебные
документы, подписанные Ивановым.

Чембар. Дом, в котором прошло детство Белинского.

Много страшных историй из практики чембарского уездного суда слышал с раннего детства Белинский, видел экзекуции, производившиеся на площади, отправку ссылаемых в Сибирь, знал «героев» этих судебных процессов—помещиков Богдановых, Мосоловых, Кугушевых и других. Один из членов очень обширной и изобиловавшей матерыми крепостниками семьи Мосоловых был прямым начальством Г. Н. Белинского (уездный судья), другой—предводителем чембарского дворянства. С помещицей верхушкой этого дворянства семья Белинских была связана родством через семью Владыкиных, в богатом имении которых Белинские нередко подолгу гостили.

Не только с дворянской и чиновничьей родней, но и с родственниками духовного звания Белинские поддерживали связь. Нет сомнения, что маленького Виссариона возили в Бельню, где еще жили на покое, «за штатом», его дед Никифор с братом Алексеем, где священствовал старший брат его отца Андрей Никифорович, где все члены причта, до пономаря и просвирни, приходились ему сродни.

Мы видим, что жизнь Белинского в Чембаре дала ему возможность наблюдать самые разнообразные общественные сцены. В чембарском уездном училище, где он учился в 1822—1825 годах, он находился в среде детей мелких чиновников, купцов и мещан. Медицинская практика его отца привлекала в дом Белинских многочисленных пациентов из окрестных сел и деревень. Для более длительного лечения приезжих больных отводилась баня, стоявшая на огороде около дома. Через так называемых «оспенников», живших в доме лекаря для обучения оспопрививанию и принадлежавших к крестьянской среде, у В. Г. Белинского образовались какие-то связи и интерес к мордовскому населению уезда. Позднее, в Москве, он задумал составить и издать словарь мордовского языка, для чего брат его при помощи «оспенников» собирал, записывал и посылал ему списки мордовских слов.

С поступлением в пензенскую гимназию горизонт наблюдений Белинского еще более расширился. В

губернский город по зимам съезжалась дворяне из поместий, и здесь резче, чем в чембарском захолустье, был виден контраст между бездельной, веселой жизнью привилегированного класса и жизнью крепостного крестьянства. В гимназии Белинский в течение трех лет учился с детьми, принадлежавшими по преимуществу к дворянским и богатым купеческим семьям. Были среди них также дети мещан, чиновничьей мелкоты и отдельными единицами встречались дети «отпущенников» (т. е. бывших крепостных) и дворовых людей.

В Пензе Белинский познакомился с бытом интеллигенции, представителей которой не было в Чембаре. Он сблизился с талантливым педагогом М. М. Поповым, преподавателем словесности и естественных наук; он жил в доме учителя рисования, окончившего Академию Художеств, И. Я. Петрова. Будучи с ранних лет страстным театралом и постоянно посещая местный крепостной театр помещика Гладкова, Белинский не мог не задуматься над судьбой крепостной интеллигенции. Как раз в годы жизни Белинского в Пензе группа крепостных Гладкова покушалась на жизнь своего барина. Следствие по этому делу установило ряд таких вопиющих насилий и жестокостей со стороны помещика, что его имение было взято в опеку.

Бывая в доме влиятельного, чиновного родственника, помощника губернского почтмейстера А. Я. Невещкинского, Белинский мог наблюдать нравы губернской администрации. Ко времени жизни Белинского в Пензе относится ревизия сенатора Горголи, приехавшего в 1828 году в Пензенскую губернию с большими полномочиями. Его приезд вызвал переполох в кругу чиновных казнокрадов и взяточников и обильный поток разного рода доносов и жалоб со стороны населения.

Наконец, ко времени учения Белинского в гимназии относятся события 14 декабря 1825 года, суд и расправа над декабристами. Среди крестьян Пензенской губернии распространялись смутные слухи о предсто-

ящей вольности, об отмене податей. Администрация энергично выискивала носителей слухов, расправлялась с виновными. По приказу из Петербурга пензенская администрация собирала сведения о лицах, причастных к декабристам, о их родственниках и отсылала в III-е отделение собственной его императорского величества канцелярии. В Чембарском уезде жила многодетная семья военного в отставке Беляева, два сына которого оказались приговоренными верховным судом к каторжным работам. В четырех верстах от Чембара, в своей деревне Голодяевке осужден был проживать безвыездно под строгим надзором чембарского исправника помещик Горсткин. Донесения о нем ежемесячно отправлялись в Петербург. Все эти факты направляли мысль Белинского к событиям на Сенатской площади и, конечно, к причинам, в результате которых эти события возникли.

Но не только мрачные картины крепостного права и административного произвола остались в памяти Белинского от детских и юношеских лет, проведенных на родине. Его ранние годы были овеяны свежими воспоминаниями о великой эпохе 1812 года. Его отец принимал участие в походе, работал как военный лекарь в госпиталях и лазаретах. «С пытливой любознательностью мальчик прислушивался к рассказам отца о прошедшем»,—свидетельствует мемуарист.

Ко времени приезда Белинских в Чембар здесь все население было полно только что пережитыми событиями. В Чембаре находились пленные французы, пожелавшие навсегда остаться здесь и жениться на чембарских обитательницах. Возвращение пензенских ополченцев из походов происходило всего за год до приезда Белинских. Рассказы отставных солдат, живых свидетелей не только победы над Наполеоном, но и участников легендарных суворовских походов, познакомили Виссариона с героическим прошлым родины. Одно из светлых воспоминаний его детства, о котором он рассказывал, было связано с посещением села Владыкина, где он и его сверстники «после детских игр и об'ядений на антресолях высоких барских

Пенза. Здание гимназии, в которой учился Белинский.

хорошо, в сумерки жадно слушали сказки и воспоминания о походах 100-летнего солдата суворовских времен».

Рассказы безвестного старика, несомненно, глубоко запали в память Беллинского. Любовь к народной поэзии сплеталась в них с гордостью героическим прошлым родины. К устным преданиям вскоре присоединилось жадное чтение исторических книг, изучение истории, ставшей любимым предметом Беллинского в школе.

Книга очень рано начала играть в жизни Беллинского важнейшую роль. Будучи учеником чембарского училища, он удивил писателя Лажечникова, рецензовавшего училище, своей начитанностью. Учитель говорил о нем, что он «находил особенное удовольствие за книжками, которые доставал где только мог». В Пензе эти возможности были шире. Беллинский брал книги у педагога М. М. Попова, у товарищей—гимназистов и семинаристов. Особый интерес у него вызывали книги по истории и литературе. По этим предметам он приобрел обширные сведения путем самостоятельного чтения и далеко оставил за собой не только товарищей по классу, но и некоторых педагогов.

Мы очертили круг фактов, круг разного рода воздействий, которые испытал мальчик и юноша Беллинский в годы формирования его характера и общественных взглядов. Мы можем сказать, что ко времени ухода из гимназии и отъезда из Пензы в Беллинском уже наметились те основы его мировоззрения, которые привели его в 1847 году к «Письму к Гоголю».

Двенадцатилетним мальчиком он выступил возмущенный против систематической порки учителей его младших товарищей, часто невинных, и негодованием своим привлек на помощь в этом деле своего отца. Насилие над слабыми, унижение человеческого достоинства уже в эти годы было ему отвратительно.

По своим симпатиям и связям Беллинский в эти годы уже проявляет себя как демократ. Людями, на-

и более близкими ему (более близкими, чем родная семья), были Ивановы, отличавшиеся не только добродушием и приветливостью; но и особенным демократизмом—«защитническим обращением с черными», по определению самого Беллинского. Именно у них он себя чувствовал «дома», а не в доме отца, где крепостные страдали от преследований барина. Сам же он горячо заступался за крепостных слуг и всегда включал их как бы в число членов своей семьи. Так, например, брату из Москвы он писал: «Кланяйся всем, всем меня знающим и помнящим, и нашим домашним: Акудине, Василью, Авдотье и Марье и Ивану; первым трем скажи, что я их люблю и помню, а последним, что я их не знаю, но люблю, потому что они наши домашние».

Во время пребывания в пензенской гимназии у него образовался круг друзей не среди обеспеченных гимназистов-дворян, а среди бедняков-семинаристов, суровый быт которых он делил, живя с ними под одной кровлей и кормясь из одного котла. Есть основания предполагать, что в первый год учения в гимназии Беллинский был более близок, чем с другими товарищами по классу, с единственным крепостным гимназистом, Дмитрием Калининим, «сыном дворового человека Егора». *) В этом выборе соседа и товарища сказались не только демократизм Беллинского, но и своеобразный вызов, брошенный им дворянскому большинству в классе. Факт, что именем товарища крепостного он назвал позднее свою юношескую драму и от его лица изложил свои самые заветные убеждения, свидетельствует, что еще в Пензе он глубоко задумался над судьбою крепостного гимназиста.

В эти же годы сложилось отрицательное отношение Беллинского к церкви, служителей которой он имел возможность хорошо изучить еще в Чембаре и

*) М. П. Молебнов, изучивший гимназические ведомости за 1825—1826 гг., убедительно доказывает, что Беллинский и Калинин сидели в классе рядом (см. газету «Рабочая Пенза» от 12 июня 1936 г.).

9451546

Белыми. Он, можно сказать, демонстративно отсутствовал на уроках закона божьего в гимназии и имел единицу за успехи и два за поведение по этому предмету. Приехав из Пензы в Москву, он с досадой писал матери в ответ на ее «увещания» «ходить по церквам»: «Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься».

Уверенность в суждениях, независимость от авторитета школьного учебника, самостоятельность мысли и чувство собственного достоинства отметил Лажечников еще в двенадцатилетнем Беллинском, ученике чембарского училища. В гимназии эти качества проявились еще ярче. Его «взгляд и поступки были смелые, как бы гордившие, что он не нуждается ни в чьей помощи, ни в чьем покровительстве». «Он и в то время не скоро подавался на чужое мнение» — писал о нем М. М. Попов.

Исключительная любовь к русской литературе, которой Беллинский посвятил всю свою деятельность, созрела также в пензенский период его жизни. Учеником уездного училища и гимназии он пытался писать стихи. В то же время он серьезно размышлял над проблемами языка и речи и, неудовлетворенный имеющимися учебниками грамматики и синтаксиса, задумывал сам написать новые, что позднее и исполнил. Выше мы говорили о необычайной для его возраста начитанности по литературе и самостоятельности суждений. Как с равным, беседовал с ним, мальчиком-гимназистом, молодой педагог-словесник, окончивший университет «Не помню, — писал Попов, — чтоб в Пензе с кем-нибудь другим я так душевно разговаривал, как с ним, о науках и литературе». Тацит и Шекспир, Шиллер и Жуковский, Гете, Вальтер Скотт, Байрон, Пушкин, романтизм были темами их бесед. В то же время «Беллинский читал с жадностью тогдашние журналы» и был деятельным участником споров и бесед семинаристов «о предметах, касавшихся философии, богословия, общественной и частной жизни». Младший по возрасту, он был для семинаристов авторитетом в вопросах литературы. Третий класс гимназии Беллин-

ский покинул с вполне определившимся намерением поступить на словесный факультет Московского университета.

Наконец, эти же годы жизни на родине взрастили в Белинском то горячее чувство любви к прошлому своего народа и гордости им, которое питало собою всю его дальнейшую деятельность. Его «Журнал поездки в Москву», написанный в конце 1829 года для чембарских друзей, лучше всего отражает образ юноши-Белинского, только что покинувшего родные края. «Журнал» заканчивается описанием полных юношеского энтузиазма патриотических переживаний перед памятником Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве: «Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные минуты составляет мне это изваяние. Волосы дыбом поднимаются на голове моей, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое, и холод пробегает по телу. «Вот, думаю я, вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенною любовию к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнью, кровию. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские,—они одни решились спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти—и спасли погибающую отчизну... Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»

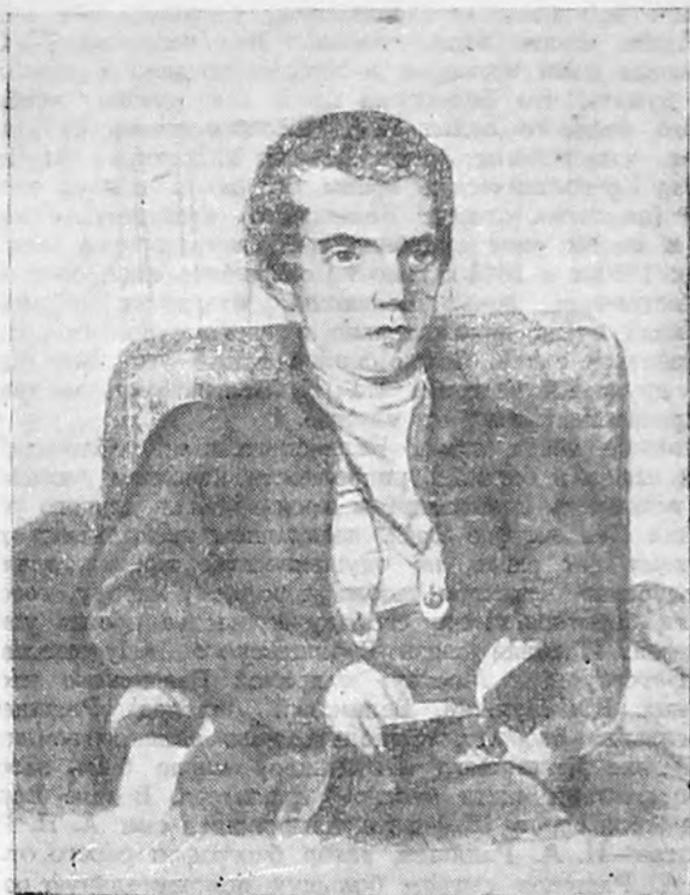
Осенью 1829 года Белинский поступил «казенно-коштным» студентом в Московский университет. По словам Пушкина, «ученость, человечность и ум» были чужды Московскому университету в эти годы. Зато в нем процветал грубый произвол тулого, невежественного начальства, третировавшего студентов то как школыльников, то как солдат в казарме. «Чтобы

жить безопасно,—писал Белинский о положении студентов,—надобно даже уряднику-унтеру льстить, надеть на себя поштую харю, скорчиться в три погибели, беспрестанно творить молитвы, всем и каждому кланяться и перед каждым подличать».

Пробыл Белинский в университете недолго: в 1832 году администрация его уволила «за неспособность к учению». Настоящей причиной увольнения были социальные взгляды Белинского, которые он чрезвычайно смело выразил в написанной им в университете драме «Дмитрий Калинин». В этой драме он дал оценку всей той лжи и произволу, которые он наблюдал с детских лет в родных краях и возмущение которыми давно росло и зрело в глубине его сознания. В речах героя драмы, крепостного интеллигента, он выразил свои мысли о крепостном праве, о фальшивой морали дворянского общества, защищаемой законом и церковью, о новых отношениях людей, построенных на разуме и справедливости. Он яростно обличал и бичевал страстными речами гнусные формы крепостнического общества, бросал вызов лебу, создавшему злодеев и насильников, издевающихся над беззащитными и слабыми:

«Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его, как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями, и со всем, что для него мило и драгоценно!.. Милосердный боже! отец человеков! ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слезы?..».

Драма Белинского теснейшим образом связана с чембарско-пензенским периодом жизни ее автора. Выше мы указывали на товарища Белинского, гимназиста-крепостного, давшего главному действующему лицу драмы имя, отчество и фамилию (Дмитрий Егорович Калинин). Семья Лесинских, выведенная в драме, так-

Белинский в возрасте 27—28 лет.

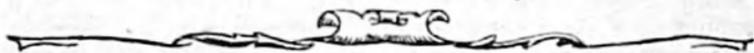
же имела своим прототипом подлинную помещичью семью, которую прекрасно знали Белинский и его родные. Недаром Белинский предупреждал отца о своем произведении следующими словами: «Вы в нем увидите многие лица, довольно вам известные». Собранные нами архивные и мемуарные данные позволяют думать, что Белинский изобразил семью чембарского уездного судьи П. А. Мосолова, помещика Полян, села, находящегося в нескольких километрах от Чембара. Крепостнические нравы его жены и двух сыновей (немногом старше Белинского) засвидетельствованы в целом ряде судебных дел, тянувшихся в течение всех 1830-х и 1840-х годов. Совершенно иной была его единственная дочь. Белинский отзывался о ней в письмах очень положительно и рекомендовал сестре сблизиться с ней. Сам Мосолов также был, повидимому, дружески настроен к Г. Н. Белинскому, которому покровительствовал по службе.

Многие места драмы Белинского и ее обличительный нафос и бытовые подробности невольно заставляют вспомнить о знаменитом произведении другого уроженца Пензенского края, написанном несколькими десятилетиями лет ранее, но одушевленном тем же горячим и глубоким чувством любви к родному народу, готовности бороться за его свободу и счастье против угнетателей. Идеиная связь Радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» с драмой Белинского несомненна. Как Пушкин, Белинский «вслед Радищеву восславил» свободу, продолжил дело великого земляка. Внимание Белинского к Радищеву могло быть заострено фактами чисто местного характера. В селе Верхнем Аблязове в 1820-х годах проживал сын А. Н. Радищева—Н. А. Радищев, автор биографии своего отца. Н. А. Радищев сыграл большую положительную роль в расследовании дела помещика Гладкова, владельца крепостного театра в Пензе (см. выше). «Воспитанники» Н. А. Радищева, вероятно, из крестьян и дворовых, учились в пензенской гимназии и один из них в одном классе с Белинским. Образ первого прорицателя народной волиности, его трагическая судьба, его

знаменитое произведение не могли не быть предметом беседы Белинского с радищевским воспитанником.

Участь драмы Белинского и ее автора была печальна. Чтобы получить разрешение на печать, Белинский представил свое произведение в цензурный комитет при университете и привел в ужас и негодование почтенных профессоров-цензоров. О дерзких суждениях студента Белинского профессора были осведомлены и ранее, и он был намечен к исключению из университета. Драма же обнаружила всю мятежную натуру ее автора, всю непримиримость его с властью насилия и лжи. Белинский был вызван в цензурный комитет для объяснения. Ему пригрозили Сибирью, учредили за ним особый надзор и, наконец, исключили с гнусным свидетельством о его «неспособности» продолжать учение. С этой позорящей его умственные способности бумажкой Белинский должен был в сущности отказаться от возможности интеллигентного труда, чего и хотело университетское начальство.

Из Белинского, полного силы и воли к борьбе, полного творческих замыслов и устремлений, нельзя было не только погубить, но и пригнуть этим подлым маневром. «Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы—чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере—не дадут мне погибнуть... Будущее не страшит меня»,—писал он после исключения из университета. Приняв с твердостью этот первый удар, Белинский вступил на тяжелый путь поисков своего истинного призвания, поисков того поприща, на котором он, несмотря на свинцовый гнет николаевской реакции, мог бы развернуть свое гениальное дарование и могучие силы на пользу и просвещение родного народа.

II.

«Непроглядно мрачным пятном на страницах нашей истории лежит трагическая эпоха 30—40-х годов прошлого столетия... Здесь воплотился во всей полноте дворянско-крепостнический режим, уснащенный высшей формой бюрократизма... Названная эпоха тормозила развитие не только общественно-государственных форм жизни, практическое разрешение которых представляла тогда Западная Европа, но и движение научной мысли, покрывая все беспросветным мраком ночи и заглушая малейшие проблески знания и живой деятельности, ищущей новой жизни».

Так начал свою статью о Беллинском С. М. Киров, озаглавив ее «Великий искатель» и показав «историю поучительно-страстных исканий» Беллинским «правды-истины» и «правды-справедливости». Путь исканий Беллинского был сложен, труден; «в течение своей короткой жизни он прошел все тернии от бесплодной метафизики к научному миросозерцанию»,—говорит о нем Киров. В нашем очерке мы можем лишь очень кратко, почти схематически коснуться главных этапов идейного пути Беллинского и попутно так же коротко отметить наиболее важные из его критических статей.

После исключения из университета Белинский пережил тяжелые годы нужды, давал частные уроки, занимался мелкой литературной работой, голодал, ютился в убогой каморке среди рабочего люда столицы. Его слабое здоровье подтачивалось переживаемыми лишениями, но духовные силы крепили в борьбе. Белинский продолжал жить интенсивной умственной жизнью, изучая литературу и знакомясь с современной европейской философской мыслью через посредство кружка друзей, который сыграл большую роль в истории его идейного роста.

Общение с Станкевичем, Грановским, Бакуниным, Боткиным и другими талантливыми, серьезно образованными, лучшими людьми своего времени дало Белинскому несравненно более, чем могло бы дать учение в Московском университете в эти годы. Станкевич и его друзья познакомили Белинского с философией Канта и Шеллинга. Влияние Шеллинга на мировоззрение Белинского середины 1830-х годов сказалось в ряде его критических статей.

Идеалистическая философия Шеллинга учила, что мир действительный, конечный, есть лишь проявление мира абсолютного, единой вечной идеи, в которой примиряются все противоречия действительности. Проявления абсолюта в мире действительном чрезвычайно разнообразны; и задача философа — из многообразия конечного воссоздать высшее абсолютное единство. Философия Шеллинга отводила высокое и почетное место искусству, как посреднику между миром действительным и миром абсолютным.

Когда Белинский в 1834 году нашел свое подлинное призвание в деятельности литературного критика, может быть единственной деятельности в эпоху николаевской реакции, где он мог развернуть свои гениальные дары, он выступил в печати страстным идеалистом шеллингианцем. Привлеченный Надеждиным, издателем журнала «Телескоп», к сотрудничеству, он поместил в десяти номерах еженедельной газеты «Молва», издававшейся в качестве прибавления к журналу,

статью под названием «Литературные мечтания». Статья эта сразу сделала никому неизвестного исключенного студента одним из виднейших современных критиков. Она вызвала одобрение лучшей, передовой части русского общества, злобу и возмущение в кругах реакционных.

«Литературными мечтаниями» Белинский отвечал на вопрос, который ставил себе в начале статьи: есть ли у нас литература, как выражение внутренней жизни народа. Свое сбалансированное развитие русской литературы от Ломоносова до писателей-современников он начал с философских предисылок в духе Шеллинга. Давая блестящие характеристики историческим эпохам и отдельным писателям, отдавая должное их гениям, их искусству и значению, Белинский, тем не менее, отрицал существование у нас литературы, сущность которой он определял так: «Литературою называется собиранье такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и безусловных) усилий людей, созданных для искусства, дышавших для одного его, и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнь которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и бдений».

Причину отсутствия такой подлинно народной литературы Белинский видел в отсутствии просвещения, «возращенного на родной почве». Но он твердо верил, что время создания такой литературы близится: «Придет время, просвещение разольется в России широким потоком...».

Хотя идеалистическая вера Белинского в то, что просвещением, направляемым правительством, будут преодолены отрицательные стороны русской действительности (а с ней и литературы) была наивна, общее значение его статьи очень велико. Она выдвигала на первый план принцип народности в литературе, подхо-

дила к явлениям литературы с точки зрения определенных философских, эстетических и общественных взглядов, противопоставляла эгоистической жизни за счет ближнего жизнь самоотверженную, жизнь «для блага ближнего, родины, для пользы человечества», учила, что «жизнь есть действие, а действие есть борьба», без колебаний свергала незаслуженные авторитеты, смело обличала продажную литературу и ее авторов.

«Литературные мечтания» не только начинают собою блестящую деятельность Белинского, но и открывают славную эпоху научной русской критики.

Из статей этого раннего периода деятельности Белинского надо еще отметить статью, напечатанную в 1835 году в «Телескопе», — «О русской повести и повестях Гоголя». Рассматривая повесть и роман как литературные жанры, Белинский показывал историческое развитие этих жанров, причину их распространения, приводил наиболее характерные примеры для каждого этапа развития. Повести Гоголя он рассматривал как звено в цепи историко-литературных фактов, при сравнении с которыми определялось их историческое место и значение.

Историко-сравнительный метод своей критики Белинский сформулировал так: «Мне кажется, что, для надлежащей оценки всякого замечательного автора, нужно определить характер его творений и место, которое он должен занимать в литературе. Первый можно объяснить не иначе, как теориею искусства (разумеется, согласно с понятиями судящего); второе, сравнением автора с другими, писавшими или пишущими в одном с ним роде».

Кроме историзма в этой статье Белинского необходимо отметить определения реализма, реальной поэзии и противопоставление ее поэзии идеальной. Признавая из этого этапа своей деятельности законность существования обоих видов, Белинский все свои симпатии отдавал реализму и считал его наиболее современным направлением: «Поэзия реальна, поэзия жизни, поэзия действительности, наконец, истинная и настоящая поэзия».

зия нашего времени. Ее отличительный характер состоит в верности действительности; она не пересоздает жизнь, но воспроизводит, воссоздает ее...». В другом месте статьи Белинский так определял назначение реальной поэзии: «завлекать поэзию жизни из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни».

Еще до создания «Ревизора» и «Мертвых душ» Белинский уже оценил гений Гоголя как высший реалистический гений, предсказал его великое значение для дальнейшего развития русской литературы. Восторгаясь поэзией «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргородом», любуясь тонким мастерством художника, Белинский в то же время коротко и точно определил основные свойства творчества Гоголя, которые он более всего ценил в нем и которые учил ценить читателей Гоголя: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь—поэт, поэт жизни действительной».

В эти годы Белинский еще ничего не говорил об общественном значении творчества Гоголя, но самая пропаганда его творчества, высокая его оценка подготавливала читателя к восприятию Гоголя как художника-реалиста, «поэта жизни действительной», и вела к критике этой жизни.

Белинский скоро освободился от влияния идеалистической философии Шеллинга. Познакомившись с философией Фихте, он на некоторое недолгое время увлекся ею, но она, как и учение Шеллинга, не могла удовлетворить его. Фихтеанские увлечения Белинского мало отразились в его критической деятельности, так как в 1836—1838 годах Белинский был лишен возможности печататься. Журнал «Телескоп» был закрыт, его редактор Надеждин сослан. У Белинского был произведен обыск. С закрытием журнала он лишился работы и заработка. В 1837 году Белинский издал ва-

писанную им грамматику русского языка, над созданием которой задумывался еще в пензенской гимназии. Однако, издание книги материально мало помогло ему. Май—сентябрь 1837 года Белинский провел на Кавказе, где встретился с Лермонтовым. Сильно нуждаясь, Белинский попробовал в поисках заработка заняться педагогической деятельностью в Константиновском межевом институте. Преподавание началось прекрасно, но отсутствие у Белинского университетского диплома, дававшего право на преподавание, не позволило продолжать его.

В 1838 году Белинский возобновил литературную деятельность в «Московском наблюдателе». В 1839 году он начал печататься в петербургских изданиях и в конце этого года переселился в Петербург.

К 1836—1838 годам относится сближение Белинского с М. А. Бакуниним. Последний познакомил его с философией Гегеля. Учение этого философа, сыгравшее такую большую роль для Маркса и Энгельса, воспринимавшееся Герценом как «алгебра революции», в трактовке Бакунина вело к консервативным выводам. Белинский, не имея возможности самостоятельно изучить сочинения Гегеля, принял неправильное толкование Бакунина и, развивая в этом направлении формулу Гегеля «все разумное действительно, все действительное разумно», пошел по ложному пути. Со свойственной ему страстностью он пришел к оправданию всего существующего и осудил борьбу за его изменение. «Новый мир нам открылся,—писал Белинский, познакомившись с Гегелем.—Сила есть право, и право есть сила:—нет, не могу описать тебе, с каким чувством услышал эти слова,—это было освобождение. Я понял идею падения царств, законность завоевателей, я понял, что нет дикой материальной силы, нет владычества штыка и меча, нет произвола, нет случайности,—и кончилась моя тяжкая опека над родом человеческим, и значение моего отечества предстало мне в новом виде».

Так называемый правогегельянский период «примирения с действительностью» в жизни и литературной

деятельности Белинского продолжался всего два года. В написанных в это время статьях Белинский оправдывал самодержавно-крепостнический строй, о чем позднее не мог вспомнить без горького раскаяния и стыда. Но оправдывая теоретически окружающую действительность, он все же не мог закрыть глаза на всю ее гнусность, не мог не видеть, что «все благородное страждет—одни скоты блаженствуют».

С переездом в Петербург, где гнет самодержавия, николаевской военщины и бюрократизма чувствовался сильнее, чем в Москве, Белинский начал освобождаться от ложных политических взглядов. Страдания ближних, боль за родную страну, никогда не покидавшая Белинского, опрокинули ту отвлеченную абстрактную примиренность, которую Белинский проповедывал под влиянием гегелевской философии.

Личное совершенствование, саморазвитие отступило на задний план при мысли о тех жертвах, которые принуждены страдать от «разумной действительности». И Белинский, «ненестовый Виссарион», как его звали друзья, страстный во всех своих убеждениях и их выражении, полностью отрекся от заблуждений и осудил со свойственным ему жаром формулу Гегеля, обращаясь к нему саркастически со следующими словами: «Благодарю покорно, Егор Федорыч,—кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития,—я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен на счет каждого из моих братьев по крови». Белинский проклял свое стремление к примирению с действительностью и с удвоенной энергией готов был бороться за счастье человеческой личности, за освобождение всего человечества от насилия и зла. Все силы свои в следующие годы жизни он отдал этой высокой цели

Отказываясь от философии Гегеля, Белинский принял, однако, его учение о развитии, его диалектику, революционное значение которой было раскрыто школой леногегельяшцев. В нее входили Маркс и Энгельс. Одновременно Белинский глубоко заинтересовался политикой. Мысли о свержении существующего порядка вещей, о революции, о социализме становятся его заветными мыслями, которые он не мог высказывать в печати, но которые развивал в беседах с друзьями, устных и письменных. В его замечательных письмах к В. П. Боткину есть места, изумительные по глубине и смелости для своего времени. Он откровенно высказывался в них за революцию, за социализм, рвался к борьбе и тысячу раз был готов принести всего себя на служение обществу.

«Я теперь в новой крайности—это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию».

«Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов... Я все думал, что понимаю революцию—вздор—только начинаю понимать».

«Я весь в идее гражданской доблести, весь в пафосе правды и чести, и мимо их мало замечаю какое бы то ни было величие... Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фантастическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на правде и доблести... Я понял и французскую революцию... Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом».

В «социальности» Белинский видел спасение человечества, уничтожение неравенства и человеческих страданий и требовал—«социальность, социальность—или смерть».

Трезвый реалист, овладевший историческим взглядом на развитие общественных отношений, Белинский не мог, конечно, успокоиться на утопическом социализме. Он ясно понимал, что России предстоит от дворянско-крепостнического строя перейти к буржуазному, понимал неизбежность роста капитализма в России. Вопреки социально-экономической отсталости России его времени, он гениальным умом подошел к пониманию классового строения общества, сущности законов капиталистического развития, к правильной оценке роли буржуазии, т. е. ко всем тем вопросам, которые в Западной Европе в передовых капиталистических странах в это же время разрешали Маркс и Энгельс. С их взглядами Белинский почти не имел возможности познакомиться, хотя некоторые их высказывания до него дошли и были им восприняты. Он читал работу Маркса «К критике гегелевской философии права» и, вероятно, знаком был с письмом Маркса к П. В. Анненкову об основах исторического материализма.

Мысли Белинского о ходе исторического развития России и Европы, роли буржуазии и капитализма, заострялись его непрерывной и непримиримой полемикой с течением славянофилов. В борьбе с ними он выковывал свои взгляды на историю России (о них мы говорим далее, в следующей главе) и хотя возглавлял течение «западников», но был далек от преклонения перед всем, идущим из Европы. Наоборот, он останавливал единомышленников, чересчур доверчиво относившихся к примеру Европы: «Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское,—писал он,—но любить и уважать его, стремиться к нему потому только, что оно человеческое, и на этом основывая все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого».

Некоторые критики склонны были полагать, что Белинский на всем пути развития своих философско-эстетических взглядов целиком находился под западно-европейским влиянием. Это неправильно. Философ-

ские взгляды Шеллинга, Фихте, Гегеля, Фейербаха хотя и интересовали Белинского в отдельные периоды его исканий, но решающего воздействия на его творчество, как мы видим, не имели.

Белинский прекрасно видел силу и значение европейской буржуазии, но видел и ее порочные стороны, ее растлевающее влияние на общество, различно относился к крупной и мелкой буржуазии, к буржуазии борющейся и буржуазии торжествующей.

«Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором»,—писал он. «Все в нем мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости».

«Горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов—далее этого они ничего не видят».

В русской печати 1840-х годов не могло быть места для выражения философских и общественно-политических взглядов Белинского. И все же он проводил их в печать, косвенно высказываясь на эти самые заветные для него темы в литературно-критических разборах, часто превращая их в острые публицистические статьи. Примером может служить его замечательная рецензия на роман Е. Сю «Парижские тайны».

Но и самая литературная критика его в 1840-х годах получила иное направление. Подходя к художественным произведениям с мерой исторической оценки, углубляя и уточняя требования народности и реализма, пред'являвшиеся им уже в 1830-х годах, Белинский поставил литературе новые требования. Выражение общественных интересов, служение им—вот что он хотел видеть в литературе, и с этой точки зрения он стал оценивать новые литературные явления и переоценивать старые. В служении общественным интересам он видел «самую живую силу, т. е. мысль» искусства, которая не унижает, а возвышает его. Он указывал на огромное значение литературы для просвещения общества, для его защиты от темных сил реакции, для руко-

водства им в борьбе за лучшее, светлое будущее и требовал, чтобы писатели помнили об этом значении их произведений в условиях русской жизни. Публика, писал он, «видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги».

Таким «вождем» читающей публики, вождем признанным, за которым шли все лучшие люди той эпохи, был сам Белинский в своих статьях, написанных в последние годы жизни. Разбирая литературное произведение, он всегда помнил и говорил об его общественном значении и потому так обрушивался на теорию «искусства для искусства», так высмеивал эпигонов романтизма, потерявшего общественный смысл, и так любовно относился к становлению реализма в русской литературе, в котором выдел «смысл и душу» ее истории. Но он предостерегал от погони за идейностью произведения в ущерб его художественности и учил, что прекрасные, общественно значительные мысли и вопросы не сделают еще художественного произведения значительным, если в нем нет поэзии: «Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотворение,—писал он,—как бы ни сильно отзывалось оно общественными вопросами, но, если в нем нет поэзии,—в нем не может быть ни прекрасных мыслей и никаких вопросов, и все, что можно заметить в нем, это—разве прекрасное намерение, дурно выполненное».

За семь последних лет жизни Белинским было написано так много прекрасных, значительных статей, что не только охарактеризовать каждую из них, но даже перечислить их все здесь невозможно. С 1840 по 1846 год Белинский возглавлял и идейно руководил лучшим журналом своего времени—«Отечественные записки». Но он был принужден в то же время растрачивать свои силы на многие мелкие статьи, отзывы, рецензии. Этого требовал издатель журнала Краевский, жестоко эксплуатировавший не умевшего дать ему отпор, бескорыстного и застенчивого в делах матери-

альных Белинского. «Я писал даже об азбуках, песенниках, гадательных книгах, поздравительных стихах швейцаров клубов (правол), о книгах о клопах»,—вспоминал Белинский. Действительно, Краевский не стеснялся делать его «чернорабочим», «водовозной лошадью», наживаясь сам на его славе и широчайшей популярности его имени как в столицах, так и в провинции.

В «Отечественных записках» Белинский ежегодно помещал замечательные обзоры, в которых оценивал и подводил итоги всем литературным событиям истекшего года. Но значительно больше места в обзорах он отводил общим рассуждениям о прошлом русской литературы, путях ее развития, вел непримиримую борьбу с романтизмом, раскрывал значение реализма и общественной роли литературных явлений. От тем литературных он делал попытки перейти к темам более широкого содержания, но не всегда ему это удавалось,—цензура зорко следила за его деятельностью, и статьи возвращались из цензуры исчерпанные и изрезанные. Белинский тяжело переживал преследования цензуры. Ему приходилось поневоле держаться круга литературных тем и избегать тем, над которыми так горячо и плодотворно работала его мысль. «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лиси»,—писал он о себе с горькой иронией.

Нельзя назвать ни одного сколько-нибудь замечательного русского писателя 18-го и первой половины 19-го века, которому Белинский не дал бы своей оценки в обзорах или в специальных статьях. Кантемир и Державин, Крылов и Грибоедов, Баратынский и Кольцов, Загоскин и Лажечников и десятки других писателей нашли в Белинском иногда сурового, иногда восторженного, но всегда глубоко искреннего, проникновенного ценителя и истолкователя их исторического значения. Для ряда крупнейших писателей, начинавших в 1830-х—1840-х годах свое литературное поприще, руководство Белинского, его отзывы сыграли ре-

шающую роль. Он дал направление таланту Некрасова, он предсказал славное будущее гению Достоевского, прочтя его первую повесть «Бедные люди», он в неизвестном авторе «Песни о купце Калашникове» провидел великого поэта, а в 1840 году пророчески писал о Лермонтове: «Уже не далеко то время, когда имя его в литературе делается народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышны в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах...»

Лермонтову Белинский посвятил в 1840 году две большие статьи, помещенные в «Отечественных записках», одну о «Герое нашего времени», другую о его стихотворениях, и неоднократно возвращался к Лермонтову в других статьях. Велика роль Белинского в оценке начинающего Тургенева, Герцена, Гончарова, Григоровича. Но все же центральными фигурами всей его критической деятельности, вызвавшими наивысший подъем его вдохновенных и проникновенных толкований и оценок, были два гиганта русской литературы—Гоголь и Пушкин.

Творчество Гоголя было для Белинского знаменем современного литературного направления, из которого предстояло вырасти подлинной народной русской литературе. Произведениями Гоголя Белинский проверял свою эстетическую теорию и в то же время в борьбе за Гоголя он укреплял свои социально-политические взгляды, вскрывая революционный смысл гоголевского отрицания помещичье-патриархальной России. Выше мы упомянули о ранней статье Белинского, который первый оценил молодого Гоголя, автора «Вечеров» и «Миргорода». «Ревизору» Белинский отвел большую часть статьи, посвященной комедии Грибоедова «Горе от ума». Выход «Мертвых душ» был торжеством Белинского, торжеством проницательности его критического взгляда, его критических оценок. Восторженно приветствовал он появление этого гениального произведения на фоне посредственной бездарности и ничтожества современной литературы:

«Вдруг, словно освежительный блеск молнии среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовию к плодovitому зерну русской жизни; творение необ'ятно-художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта,—и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое...»

Белинский предполагал написать особую большую статью или ряд статей, чтобы «поговорить подробно о всей поэгической деятельности Гоголя, как об одном целом, и обозреть все его творения в их постепенном развитии», но осуществить это ему не удалось. Его оценки и высказывания о Гоголе разбросаны в разных обзорах, статьях и рецензиях. То, что не удалось ему по отношению к Гоголю, он блестяще осуществил по отношению к Пушкину.

Статьи о Пушкине—это наиболее зрелые, совершенные плоды критического гения Белинского, и это, конечно, наиболее глубокий и блестящий анализ творчества великого поэта, какой мы имеем. Одиннадцать статей Белинского о Пушкине были написаны им в 1843—1846 годах и напечатаны в «Отечественных записках». Белинский рассматривал творчество Пушкина в «живой связи» «с прошедшим и настоящим русской литературы». «Писать о Пушкине,—убежденно заявлял он,—значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей». Анализ сочинений ряда писателей 18-го и начала 19-го века, характеристика литературных направлений этого времени предшествуют разбору произведений Пушкина. От лицейских стихов до «Медного всадника» рассмотрел Белинский поэтические создания Пушкина, раскрывая читателю очарование и мастерство их формы, неиссякаемое разнообразие и глубину их со-

дѣржання. Высшую степень художественности, гуманности и народности отметил он в творчестве Пушкина.

Художественность Белинский называет «преобладающим пафосом поэзии Пушкина». Она соединяется с глубокой человечностью: «Общий колорит поэзии Пушкина, и в особенности лирической,—внутренняя красота человека и деляющая душу гуманность». Называя «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением», утверждая вместе с Гоголем, что Пушкин глядит на мир «глазами своей национальной стихии, глазами всего народа», Белинский в то же время указывает на общечеловеческое в творчестве Пушкина. «Мы видим в Пушкине великого мирового поэта»,—писал он и считал, что с Пушкина началось «уже не знакомство России с Европою, а Европы с Россіею». Свои статьи о Пушкине Белинский заканчивал обращением к будущему, когда потомство достойно оценит и почтит Пушкина:

«Придет время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовываться и развиваться не только эстетическое, но и нравственное чувство... Придет время, когда потомство воздвигнет ему вековечный памятник».

1846 год был последним годом работы Белинского в «Отечественных записках». Давно надломленный организм ослабевал, развивающаяся болезнь (чахотка) препятствовала той напряженной работе, которой требовал от него издатель журнала. Вместе с тем материально Белинский продолжал сильно нуждаться: семья, болезнь увеличивали расходы, не покрывавшиеся скупой оплатой его труда в журнале Краевского. Белинский порвал с «Отечественными записками» и с 1847 года начал руководить журналом «Современник», который в это время перешел в руки его друзей, Некрасова и Панаева.

В «Современнике», кроме ряда более или менее значительных статей и рецензий, он поместил два годовых обзора за 1846 и 1847 годы. В этих обзорах—итоги философских исканий Белинского, эволю-

ции его общественно-политических и литературных убеждений. Здесь нашли выражение его материализм, его глубокий историзм во взгляде на общественные явления, его революционный демократизм, его отношение к Западу и славянофилам, к прошлому России и путям ее развития. Здесь еще раз дана оценка всего прошлого русской литературы и современной «натуральной школы», которая была для Белинского залогом будущей глубоко реалистической народной литературы. Здесь наиболее полно выразилось также его оригинальное эстетическое учение. Каждая страница этих статей дышит пламенной любовью к России, к ее прошлому, к ее народу и литературе, верой в ее могучие силы и величественное будущее. По цензурным условиям Белинский не мог говорить в них о настоящем России, но то, что читалось между строк, написал он со всею откровенностью в тот же последний год жизни в другом месте, в пламенном патристическом памфлете, посвященном обличению николаевской России. Это—его знаменитое письмо к Гоголю по поводу книги последнего — «Выбранные места из переписки с друзьями». Письмо было написано Белинским летом 1847 года за границей, куда он поехал для лечения и где мог писать свободно, забыв о цензуре.

С необычайной силой в этом письме Белинский бичевал ту «гнисную российскую действительность», которую еще ребенком возненавидел, а юношей уже пытался смело обличать в своем первом литературном труде. Глубоко врезавшиеся впечатления юных лет, углубленные и осмысленные годами напряженной работы ума и житейского опыта, легли в основу жестокой критики православного духовенства, воров-чиновников и чудовищного произвола всей крепостнической бюрократической системы. «Вы не заметили,—писал Белинский Гоголю, — что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в

народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре,—права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого, она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми... где люди сами себя называют не именами, а кличками: Васьками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей! Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых)».

Глубокой болью за родину наполнена каждая строка этого письма. Гоголя, имя которого до сих пор было для Белинского знаменем борьбы за освобождение и просвещение народа, он принужден был беспощадно обличать.

«Письмо к Гоголю», содержащее страстный призыв к борьбе с самодержавно-крепостным строем, было «итогом литературной деятельности Белинского», как определил Ленин. Болезнь быстро разрушала слабый организм, и весной 1848 года Белинского не стало. Он умер «во-время», так как палачи Николая уже готовили ему каземат.

Не только сочинения Белинского, но самое имя его было запрещено в печати. За чтение его «Письма к Гоголю» петрашевец Достоевский был приговорен к смертной казни. Самодержавное правительство боялось Белинского, преследовало его почитателей, уродовало цензурными сокращениями его сочинения, старалось заглушить память о нем. Но его дело нашло своих продолжателей в лице Чернышевского и Добролюбова и в ряде других деятелей освободительного движения

Белинский перед смертью.

С картины А. А. Наумова.

в России. Вождь крестьянской революционной демократии Чернышевский с глубоким уважением и любовью писал о Белинском: «Белинский, будучи значительнейшим из всех наших критиков, был одним из замечательнейших наших ученых». Добролюбов же так отзывался о нем: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением».

Не раз вспоминая Белинского в своих статьях, В. И. Ленин указал на зависимость его «Письма к Гоголю» от настроения крепостного крестьянства, на его роль предшественника по отношению к революционной демократии 1860-х годов и отметил неумирающее, громадное значение его страстной проповеди почти накануне Октябрьской революции.

«Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский,—писал Ленин в 1914 году. — Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

С Октябрьской революцией воплотились в жизни чаяния Белинского, осуществились его смелые, пророческие мечты о будущем родной страны. Он, искавший правду и указывавший пути к ней в эпоху торжества лжи и беззакония, стал в ряд самых великих и дорогих людей, которых чтит наша родина. Белинского, всю жизнь боровшегося с царизмом, этим фашизмом прошлого, назвал И. В. Сталин вместе с именами лучших представителей «воликой русской нации» и противопоставил их наглым немецким критикам, призывающим к ее уничтожению.

III.

В наши дни грандиозного патриотического подъема, вспоминая Белинского, гордимся им, как великим патриотом прошлого, мысли которого о родине сейчас особенно близки и созвучны нам.

Тема патриотизма Белинского сравнительно мало освещена в литературе о нем, в которой насчитываются сотни книг и статей на темы о его философских и эстетических взглядах. Между тем, чувство патриотизма, гордость своим народом, размышления о его исторических судьбах, о его героическом прошлом и величественном будущем красной нитью проходят через все журнальные статьи Белинского и его письма к друзьям. Часто та или иная литературная тема в журнальной рецензии была для него лишь поводом, чтобы перейти к изложению своих мыслей о родном народе и дать им ряд блестящих и глубоких формулировок.

Обильные высказывания Белинского о любви к родине, о прошлом России и ее национальных особенностях часто имели в его статьях полемическое значение. В 1830—1840-х годах реакционная журналистика и литература, проповедуя охранительные идеи и со страхом наблюдая революционные вспышки на Западе, зывала к патриотическим чувствам читателей, причем подменяла понятие родины понятием самодержавия. Этот официальный николаевский «патриотизм» вылился в известную формулу «православие, самодержавие,

народность», которая должна была оправдать всю гнусность крепостнического режима. В то же время партия славянофилов в борьбе с западниками заострила проблему патриотизма и хотя сознательно не ставила своей задачей защиту современного политического и социального строя, то все же, ратуя за сохранение изжитых форм жизни, отошедших в прошлое понятий, обычаев и т. д., в сущности шла рука об руку с официальной правительственной идеологией.

Чтобы при таких условиях говорить о патриотизме, Белинский должен был четко отграничить свое понятие передового, прогрессивного патриотизма от того реакционного содержания, которое вкладывали в это понятие его идейные враги.

Прежде всего надо отметить, что Белинский сурово высказывался против пустозвонных патриотических возгласов, бессодержательных самовосхвалений, преувеличения разного рода достижений и заслуг, на что была так падка журналистика, вдохновляемая официальной правительственной идеологией. Белинский предостерегал от этого пути, столь опасного самоуспокоением и отсутствием самокритики.

«Легко писать возгласы, исполненные хвалы России и ненависти ко всему не русскому, но это еще не значит любить Русь и все русское»,—заявлял он и противопоставлял таким голословным восхвалениям «любовь деятельную и практическую».

■Истинный патриотизм заключается не в присвоении отечеству качеств, которых оно, быстрыми шагами идущее к совершенству, не успело еще себе усвоить, но в благородных и бескорыстных усилиях приблизить время, когда оно в самом деле достигнет возможного совершенства».

В то же время Белинский отвергал ограниченное, консервативное понимание патриотизма, как охраняющего отмирающие или уже изжитые формы народной жизни. Он часто указывал славянофилам, что национальная жизнь страны проявляется «не в лаптях, не в армяках, не в сарафанах, не в свухе»; что их «упреки равнодушию, с которым мы, русские, расстаемся с преда-

пиями нашей длиннополой старины, и готовности, с которой мы принимаем и усваиваем себе все новое», — упреки ограниченных людей.

«Умы светлые и крепкие понимают, — учил он, — что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть, или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми».

Патриотизм, как любовь деятельная, как любовь, стремящаяся помогать развитию и совершенствованию своей родины, любовь, не замыкающаяся ревниво в национальных границах, но всегда помнящая о человечестве и общечеловеческих идеях, — вот как понимал Белинский чувство к родине.

«Человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы и ревниво поборующим, по мере сил своих, его преуспевание на пути нравственного развития. Любовь к человечеству должна быть живородящей мыслью, которая просветляла бы собою любовь его к родине».

Говоря о будущем братском единении народов, Белинский подчеркивал, что это единство «состоит в подчинении великой идеи национальной индивидуальности еще более великой идее человечества». Наиболее же выразительная и четкая формула деятельного, прогрессивного патриотизма дана была Белинским в следующих словах:

«Нельзя не любить отечества... только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования; словом — любовь к отечеству должна быть вместе и любовью к человечеству... Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих спешествовать этому».

Было бы большой ошибкой видеть в этой формулировке оттенок космополитизма. Космополит, не знающий горячей любви к родной стране, для Белинского существо однозное, презренное. Уподобляя космополита уродливому животному—амфибии, Белинский писал:

«Космополит есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

Еще отвратительнее для Белинского человек, изменивший своей родине:

«Изменник своему отечеству,—писал он,—есть злодей, при виде которого содрогается человеческое сердце, от которого с омерзением отвращается человечество и который скитается по земле, подобно Канну».

Такие определения патриотизма мог дать человек, который необычайно горячо, всем существом ощущал свою связь с родным народом, родной страной. Признания в этом чувстве мы встречаем и в статьях и в переписке Белинского:

«Я душевно люблю православный русский народ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе»,—писал он в статье в 1835 году, а в его письме 1847 года к Боткину читаем:

«Я—натура русская... я русский и горжусь быть русским».

Патриотизм Белинского отмечали писавшие о нем мемуаристы. Тургенев писал: «Белинский был вполне русский человек, даже патриот... благо родины, ее величие, ее слава возбуждали в его сердце глубокие и сильные отзвуки».

Какие же свойства русского народа особенно ценил Белинский? Приведем некоторые его высказывания. Вот характеристика ума русского человека и его одаренности:

«Русский народ, богатый элементами разума и эстетического чувства, в то же время отличается и необыкновенною сметливостью, смысленностью, практической деятельностью ума, остроумием, аналитической силою рассудка».

«Даровита земля русская: почва ее не скудевает талантами».

Отмечал Белинский не раз храбрость русского народа, восторгаясь его военными подвигами с древних времен до войны с Наполеоном:

«Храбрость есть неотъемлемое свойство русских... они доказывали ее всегда и везде, как только был случай».

Ум и мужество русских соединяется «с широтой и силой» их натуры, которой «душна и страшна всякая ограниченность и узкость».

Говоря о готовности, с которой русский народ усваивает новое и лучшее и отказывается от недостатков старого, Белинский замечал:

«Да, это великая черта русского народа: она показывает, что мы имеем способность и желание безусловно отрешаться от всего дурного; что же до хорошего, которое составляет основу и сущность нашего национального духа,—оно вечно, непреходяще, и мы не могли бы от него отрешиться, если бы захотели».

Но не выражая опасения перед заимствованиями русского народа у других народов и предостерегая от самодовольства и самовосхваления, Белинский предостерегал и от противоположной крайности:

«Равным образом и не будем забывать собственного достоинства, будем уметь быть гордыми собственной национальностью, основными стихиями своей народной индивидуальности, но будем уметь быть гордыми без тщеславия, которое закрывает глаза на собственные недостатки и есть враг всякого движения вперед, всякого преуспевания в добре и славе».

Глубокое понимание русского народа явилось результатом любовного изучения его исторического прошлого. Мы говорили выше, что история России с детских лет была для Белинского предметом особого интереса и изучения. Прекрасное знание русской истории открывало перед Белинским героизм русского народа в прошлом и вселяло веру в его величайшее будущее.

Общие итоги нашего исторического прошлого, преодоления тяжелых испытаний и могучего роста русского государства Белинский формулировал следующим образом:

«Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство... выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спастись от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы».

«Все, что могло бы обессилить и уничтожить всякий другой народ,—все это только закалило русский народ,—и то, что сказал Пушкин о России в отношении к ее борьбе с Карлом XII, можно применить к Руси в отношении ко всей ее истории:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судьбы удары,
Окрепла Русь, Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат».

Белинский много вдумывался в древний период русской истории и восторгался богатством даровитых крупных личностей, выдвинутых русским народом, его жизнеспособностью, его глубоким сознанием своего единства, своей силы, которые всегда вели его к победе над врагом. Не древние формы русской жизни, ее патриархальные нравы, уклад, обычаи, которые так привлекали славянофилов, были предметом внимания Белинского, а одаренность народа, неуклонный рост его мощи, запечатлевшиеся на всех страницах раннего периода его истории.

«Дух народный всегда был велик и могущ: это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамоевское побойще, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междоцарствия... Это же доказывает и обя-

Лиде в таких характерах и умах государственных и ратных, каковы были: Александр Невский, Иоанн Калита, Симеон Гордый, Димитрий Донской, Иоанн III, Иоанн Грозный, Андрей Курбский, Воротынский, Шени, Годунов, Басманов, Скопин-Шуйский, князь Димитрий Пожарский, мещанин Минин, святители Алексий, Филипп, Гермоген, келарь Авраамий Палицын».

Мощь и внутреннее единство древней Руси особенно явственно выступали во время отпора иноплеменному врагу. Об этих критических минутах в жизни отдельных русских граждан и русского народа в целом Белинский написал замечательные страницы.

По воспоминаниям современников, Белинский «боготворил» Петра I, понимая, что без реформ Петра Россию могла бы постигнуть судьба колонии европейских государств, Белинский писал о великом значении Петровских реформ:

«Россия до Петра Великого была только народом и стала нацией вследствие движения, данного ей ее преобразователем».

О новом периоде русской истории, начавшемся с эпохи Петра, Белинский оставил много глубоких высказываний. Дал ему ряд характеристик. Он восторгался тем, что «юный, свежий, могучий» народ «с небольшим во сто лет своей новой жизни... проявил себя и в великих властителях, и в великих полководцах, и в великих государственных людях, и в великих ученых, и в великих поэтах; народ, который во сто лет своей новой жизни уже составил себе великое прошлое... и которого ожидает еще более великое, более славное будущее!»

Особенно сильный подъем патриотических чувств вызвали у Белинского воспоминания о 1812 году. События этой эпохи, реакция на них русского народа оценивались Белинским как высшее проявление силы народного характера, его сплоченности, героизма и величия. Строки, написанные им об этом времени, читаются так, точно Белинский—наш современник и сказал свое слово о Великой отечественной войне.

«У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить только, смотря по тому, как он действовал и каким он является в эти моменты, когда на весах судьбы лежала и его жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее. Так и у всякого народа—своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее царственное достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победы. Дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические моменты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил. Бородинская битва, самим Наполеоном названная **битвою гигантов**, была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы 12-го года».

В 1812 г. «спор жизни со смертью казался... еще страшнее (чем в 1612 г.), а в спасении никто не отчаивался, никто не сомневался даже... Что вся эта бодрственная, недреманная, полная трудов и деятельности жизнь перед тою, для которой снова как бы пробудилась она (Россия) страшным кликом: «неприятель идет из Москву!». Что все прежние ее восстания от сна перед тем, которое совершилось при заре пылающей Москвы... Дело шло уже не о новой пронобренной провинции, не о клочке земли, отбитой у врагов и моря для построения города, ни даже о завоевании царства и царств: дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно,—всего мира».

В великой эпохе двенадцатого года Белинский отмечал с гордостью и восхищением, что «чувство общей опасности сблизило между собою сословия, пробудило дух общности», что во время отступления «солдаты

наши требовали сражения», что для рядового бойца, даже не видавшего никогда Москвы, «мысль о занятии ее врагом была тяжелее для него всех смертей», и что Кутузов «не Михаил и не Ларионович, а просто Кутузов,—ния символическое, из собственного сделавшееся нарицательным», явился выразителем «сущности народной жизни», представителем «нравственного могущества своего народа».

Изучая прошлое России, Белинский в полной мере оценил неиссякаемые, могучие возможности, таящиеся в русском народе и лишь временно сдавленные гнетом самодержавного произвола и крепостничества. За освобождение этих скрытых сил, за их нормальное, здоровое развитие он боролся и учил бороться всю жизнь. Глубоким философским умом он стремился проникнуть в будущие судьбы своей родины, угадать те пути, по которым она пойдет к своей дальнейшей славе и величию. Что России готовится великое будущее, что путь ее будет славен и что будущее превзойдет ее славное прошлое, Белинский никогда не сомневался и называл Россию «страною будущего».

«России готовится великое будущее...—писал он,—русское племя носит в себе плодотворное зерно субстанциальной жизни, которое некогда должно развиться в величественное широколиственное дерево».

Белинский настойчиво возвращался к мысли, что в своем будущем Россия должна унаследовать и «слить в себе все элементы всемирно-исторического развития...», «принять в себя все элементы не только европейской, но мировой жизни». Он прямо заявлял, что «мы, русские,—наследники целого мира, не только европейской жизни, и наследники по праву».

Прорезывая творческим воображением мглу грядущих десятилетий, он вдохновенно писал о будущем своей родины:

«Необъятно пространство России, велики ее юные силы, беспредельна ее мощь,—и дух замирает в трепетном восторге от предощущения ее великого назначения, ее—законной наследницы жизни трех периодов человечества!».

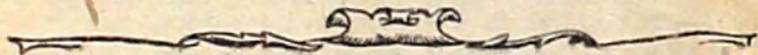
Внукам и правнукам своего поколения он предсказывал, что они осуществят то, о чем его современники не смели даже говорить и мечтать. Он переносился мыслями за сто лет вперед, в наше время, и пророчески угадывал великие достижения родного народа.

«Да, в нас есть национальная жизнь,—писал он,—мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль,—об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания; потому что это слово, эта мысль будет сказана ими».

«Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году, стоящую во главе образованного мира, дающей законы и науке, и искусству, и принимающей благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Рисую величественную картину будущего расцвета родины, Белинский, однако, никогда не забывал и об общечеловеческом идеале всеобщего мира и братства, предсказывая, что должно настать время, «когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты... и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума».

Этими замечательными высказываниями великого оптимиста и патриота, каким был Белинский, высказываниями, частично уже осуществившимися, мы заканчиваем посвященный ему очерк.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ
«СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»
Пенза. Улица Кирова, 65.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Писатели-земляки о Родине (Радищев, Лермонтов, Белинский, Огарев, Салтыков-Щедрин).

В. Г. Короленко. В успокоенной деревне. Предисловие С. В. Короленко.

А. Храбровицкий. Замечательные места Пензенской области (Суворово, Чембар, Тарханы, Верхнее Аблязово, Дубровка и Кромщина).

А. Анисимова. Песни про войну. 1941—1943.

НОВЫЕ ЛЮДИ

«ГО КРАЯ»

(рошор).

К ПЕЧАТИ:

Радищев.

Лермонтов.

Салтыков-Щедрин.

Огарев.

Белинский.

Салтыков.

Слепцов.

Дуприн.

Богданов.

Малышкин.

Салтыков.

Янов.

Сочевский.

Сев.

Слочков.

Сиденко.

Савицкий.

Савицкий.

Сорокопудов.

- 30 коп.

Цена 3 рубля